

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СМИРЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т. В. Ильина, Е. В. Сидорова, О. А. Швецова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 сентября 2023 г.

Аннотация: статья посвящена анализу языковых средств выражения смирения с происходящим в русском языке. Смирение — одна из важнейших для понимания русского национального сознания нравственная категория. Идею смирения в русском языке отражают такие языковые единицы, как частица **авось**, предикатив **ничего!** и союз-частица **пусть/пускай**. В работе даны их семантический, синтаксический и фоносемантический анализы. Приводится обобщенная характеристика по данным Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: языковое сознание, нравственная категория, смирение, национальный характер, частица **авось**, предикатив **ничего!**, союз-частица **пусть/пускай**.

Abstract: the article is devoted to the analysis of linguistic means of expressing humility with what is happening in the Russian language. Humility is one of the most important moral categories for understanding the Russian national consciousness. The idea of humility in the Russian language is reflected by such linguistic units as the particle **maybe**, predicative of **nothing!** and the union is a particle **let**. The paper presents their semantic, syntactic and phonosemantic analysis. A generalized characteristic is given according to the data of the National Corpus of the Russian language.

Keywords: linguistic consciousness, moral category, humility, national character, particle maybe, predicative nothing!, union-particle let.

Одной из важных и значимых для понимания русского национального сознания нравственных категорий является категория **смирения**, которая, согласно «Словарю русской ментальности», определяется как состояние мира, согласия и покорности, добровольное по отношению к окружающим и вынужденное перед силой. Оно «вызвано осознанием меры собственных достоинств и недостатков и поэтому предполагает отсутствие какой-либо реакции на возможную несправедливость к себе или другим людям (кротость, беззлобность). Понимание неизбежного несовершенства мира и людей приводит к стойкому и ровному отношению к миру (терпимость) и отказу от любого осуждения человека (прощение), что почитается одной из высших добродетелей зрелой личности, приносящей плод в обоих мирах (“возносясь, смиришься, а смиряясь, вознесешься”), потому “смирение — Богу угожденье, уму просвещенье, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье”» [10, 272].

Согласно данным этимологического анализа, значение слова **смирение** происходит от глагола *смирить*, из др.-русск. *сѣмьрити* «умерить, смягчить, подавить», из *мѣра* «мера», далее из праслав. **mĕra*, от которого в числе прочего произошли др.-русск., ст.-слав. *мѣра* (др.-греч. μέτρον), русск. *мера*; восходит к праиндоевропейскому «мерить» [1].

Идею смирения в русском языке как нельзя более ярко отражают такие языковые единицы, как

частица **авось**, предикатив **ничего!** и союз-частица **пусть/пускай**.

Мы решили проверить, какой эмоциональный фон возникает на подсознательном уровне у человека при произнесении этих слов. Нами был проведен фоносемантический анализ данных лексем, который обнаружил их следующие выраженные признаки: **авось** — *хороший, большой, светлый, простой, красивый, гладкий, легкий, величественный, округлый, громкий, могучий; ничего!* — *хороший, большой, нежный, светлый, простой, сильный, красивый, гладкий, легкий, безопасный, величественный, яркий, радостный, громкий, добрый; пусть* — *мужественный, темный, слабый, грустный, страшный, низменный, тусклый, печальный, тихий, пускай* — *мужественный, быстрый, тусклый, тихий, короткий* [5].

Как видим, все рассматриваемые лексемы в основном обладают положительными коннотациями, которые на подсознательном уровне имеют положительные смыслы.

Теперь рассмотрим значение и контексты употребления каждой из исследуемых единиц в отдельности.

В «Словаре русской ментальности» **авось** определяется следующим образом: «осуждаемая со стороны (извне), но субъективно оптимистическая оценка предполагаемых действий, связанная с безрассудной надеждой на естественный, при этом сиюминутно благоприятный ход событий». Авторы Словаря отмечают, что **авось** «восходит к древнему выражению

а вь съ (“а вот, сейчас” — “а вдруг!”) и показывает полную погруженность в настоящее, без должной опоры на прошлый опыт (который намеренно отчуждается) и без взвешенного осмысления будущего (поскольку снимаются запреты на разумные ограничения). Имея упование, подкрепленное лишь надеждой без видимых и вероятных оснований, человек поступает, доверяясь судьбе (*кривая вывезет*) или Богу (*Бог даст*), в своем поведении не опирается на себя самого. *Авось* характеризует конкретную деятельность, выполненную без должного продумывания последовательности в ее исполнении, следовательно — плохую, некачественную, недобросовестную, “без души”. *Авось* выступает как последняя спасительная возможность благоприятного исполнения задуманного, когда человек пренебрегает подстерегающими его опасностями, становясь беспечным или отважным до безрассудства. Это не самоубийственный акт отчаяния, но решимость действовать при отсутствии поддержки, информации и даже расчета на успех» [9, 19–20].

Как видим, в русском *авось* присутствует большая степень безрассудства, но в то же время доверие Богу и судьбе. *Авось* всегда требует личной решимости и отваги.

А. Вежбицка отмечает следующее: «Русская частица *авось* подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, — теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и неконтролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас всё хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или свои рациональные действия... *Авось* очень точно отражает ряд особенностей русской культуры и русского национального характера...; слово передает отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществить; невозможно рационально организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу. Безрассудство, погруженность в настоящее, отсутствие опоры на прошлое и связи с будущим. Доверие удаче, судьбе или Богу, когда рациональному уже нет места» [9, 19–20].

В. И. Даль также отмечает, что в *авось* выражается значение желания или надежды, и приводит следующие характерные контексты употребления: *Авось Бог поможет; Авось — вся надежда наша. Авось, небось, да третий как-нибудь. Ждем, пождем, авось и мы свое найдем. Авось не унывает* [8].

Но, с другой стороны, в паре *авось-небось* им подчеркивается значение слепой самонадеянности на благополучный исход предприятия: *От авось добра не жди; Авось — плут, обманет; Авось в лес уйдет;*

Авось до добра не доведет; Авось не вовсе верь; Держался авоська за небоську, да оба упали; Авось с небосем водились, да оба в яму ввалились [8].

Предикатив *Ничего!* выражает оценку всех степеней модальности в отношении к действительности: от *сносно* и *так себе* через *все равно* до *ничуть, нисколько*. По мнению составителей «Словаря русской ментальности», здесь дается «типично русская оценка личного состояния в крайних обстоятельствах, когда еще можно терпеть (“ничего не скажешь”, “ничего не выйдет”). В русской ментальности “ничего!” — апофатическая форма утверждения порядка его отрицанием (*ништо, ниче*)» [9, 518].

В.З. Санников так описывает значение этого слова в его предикативном употреблении: «Нечто нежелательное произошло потому, что нам не повезло. Не нужно огорчаться. Не нужно предпринимать особых усилий: жизнь непредсказуема, в будущем нам может повезти». Ученый называет этот смысл не пессимистическим, а скорее беспечно-оптимистическим, и подтверждает его следующими типичными контекстами: *Ничего! Прорвемся!; Ничего! Бог не выдаст, свинья не съест!; Ничего! Перемелется, мука будет!* [14, 446].

Как видим, в этом предикативе выражается идея принятия божественной воли.

Семантически близка предикативу *Ничего!* другая семантическая единица — подчинительный союз *пусть/пускай*, «который, подобно выражению *Ничего!* и знаменитому русскому *авось*, ярко выявляет особенности русского национального характера, точнее — русского языкового сознания. Частица и в еще большей степени союз скорее оптимистичны» [14, 446].

Лингвистический статус скрепы *пусть/пускай* точно не определен. Одни ученые видят в ней союз [5, 282], [13, 275], [18, 146], [7, 105], другие — модальную частицу [17, 278], третьи — союз-частицу [6, 720], [2, 444], четвертые — слово, промежуточное между союзами и модальными словами [19, 116]. Однако никаких препятствий для истолкования слова *пусть* как союза, на наш взгляд, нет.

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [11] характеризуют союз *пускай* как разговорный вариант союза *пусть*. Но, по справедливому замечанию И.А. Василенко, «нельзя согласиться с тем, что *пускай* в отличие от *пусть* имеет разговорный оттенок. Оба эти союза встречаются в эмоционально насыщенной речи...» [4, 63]. Поэтому в дальнейшем эти два слова мы будем считать равноправными вариантами одного и того же союза.

Сфера употребления союза *пусть/пускай* достаточно определена: он используется в уступительной придаточной части «тогда, когда в главной части выражается твердая уверенность в необходимости того, о чем в ней сообщается, дается настоятельный совет, выражается непреклонное намерение совер-

шить действие. Эта особая решимость, непреклонность придают предложению повышенную эмоциональность» [16, 579]. Союз **пусть/пускай** вносит в такие предложения дополнительную экспрессию: «в главной части выражается намерение непременно осуществить задуманное наперекор трудностям, названным в придаточной части» [18, 146], а сама придаточная часть получает значение «условия допускаемого, но не устраняющего, не препятствующего осуществлению того, что обозначено в главной части» [17, 278]. Но чем весомее причина, тем больше намерение осуществить задуманное вопреки всем трудностям, названным в придаточном предложении. Таким образом, союз **пусть/пускай** вносит в предложение дополнительную экспрессию. Если вместо него употребить союз **хотя/хоть**, то экспрессия неперемогенного осуществления действия во что бы то ни стало будет снята [18, 146]: *Пускай наступили холода, я все-таки буду заниматься спортом на улице. – Хотя наступили холода, я все-таки буду заниматься спортом на улице.*

Л. А. Булаховский и В. З. Санников выводит происхождение этого союза из форм повелительного наклонения глаголов *пустить, пускать* [3, 349], [13, 447], а И. А. Василенко и Р. Гусман Тирадо – из побудительной частицы [4, 63], [7, 105]. Этот союз является характерной принадлежностью живой разговорной речи.

В. З. Санников склонен считать **пусть** и **пускай** полными синонимами (или вариантами одного союза) и видит их отличие друг от друга лишь в том, что **пусть** закрепилось как штамп в математических и некоторых других научных текстах [14, 447].

Частотность употребления союза-частицы **пусть/пускай** в системе средств выражения уступительности заметно снижена. В XIX веке она составляла 3,6%, а к 80-м годам XIX века сократилась до 1%. «Скорее всего это свидетельствует о том, что разговорная речь (по крайней мере, кодифицированная) его постепенно утрачивает, и если, тем не менее, мы встречаем его в языке художественной литературы последних 50-60 лет, то лишь в силу естественного стремления этого языка к стилизации диалектов и просторечия» [7, 105].

В. З. Санников, анализируя контексты употребления союза-частицы **пусть/пускай**, выделяет в нем семантику допущения. В одних контекстах принятие чего-либо может употребляться для выражения примирения с чем-либо, смирения: *Пускай заманит и обманет, – Не пропадешь, не сгинешь ты И лишь забота затуманит Твои прекрасные черты* (А. Блок); в других – идея допущения имеет значение, прямо противоположное первому – побуждение, а то и повеление, угроза: *Пусть он гений-разгений, я ему покажу, как людей обижать* [14, 448].

Нам кажется, что в обоих контекстах мы также имеем дело со смысловым противоречием между

эксплицитно и имплицитно выраженными следствиями, вытекающими из одного условия. Сравните следующую трансформацию приведенных выше синтаксических структур: *Заманит, обманет, следовательно, пропадешь ты, сгинешь, но нет, не пропадешь, не сгинешь ты; Он гений-рагений, следовательно его нужно бояться, а я не боюсь и покажу ему, как людей обижать.* Такие контексты показывают внутреннюю силу. решимость, непреклонность при добровольном смирении.

Ученый выделяет еще одно значение союза-частицы **пусть/пускай**. Он пишет: «Смирение предполагает нежелательность описываемого – смиряются с чем-то нежелательным»: *Пусть мне удастся поступить в институт, (но) закончить его я все равно не смогу* [14, 450].

На наш взгляд, в этом контексте опять реализована идея допущения. Союз-частица **пусть/пускай** выступает в значении **даже если**, о чем сказано в Грамматике-70: «Союз-частица **пусть (пускай)** несет экспрессивно-модальное значение допущения нежелательного или признание реально существующего факта» [6, 720].

В контексте *Пусть враги нас порубят, побьют, Пусть обратно добычу отымут, Но певцы о нас славу споют, Ибо мертвые сраму не имут* (В. Брюсов), по мнению В. З. Санникова, содержится призыв к борьбе и стремление оправдать даже худший возможный исход этой борьбы. В этом он также видит «беспечность, даже бесшабашность, пренебрежение опасностью, желание оправдать эту беспечность доводами, зачастую неубедительными, достаточно надуманными. Событие, указание на которое вводится союзом **пускай/пусть** (даже гибель), объявляется не имеющим большого значения в описываемой ситуации» [14, 450–451].

По нашему мнению, здесь реализована идея решимости (когда допускается даже самая худшая ситуация), отваги, невзирая на смерть, на что также указывает противоречие двух следствий, вытекающих из одного условия.

По данным Национального корпуса русского языка употребление частицы **авось**, предикатива **ничего!** и союза-частицы **пускай** обнаруживает низкую частотность, а союза-частицы **пусть** – среднюю [11].

Приведем таблицу статистики текстов, в которых данные лексемы употребляются. См. табл. 1

Из этой таблицы мы видим, что рассматриваемые нами лексемы употребляются преимущественно авторами мужского пола в основном в художественной и публицистической сфере, затрагивающей по большей мере следующую тематику: «Искусство и культура», «Политика и общественная жизнь», «Частная жизнь». Частица **авось** и предикатив **ничего!** употребляются преимущественно в художественных текстах, а союз-частица **пусть/пускай** – в нехудожественных.

Таблица 1

| Метаатрибут | Авось | Ничего! | Пусть | Пускай |
|------------------------|--|---|--|--|
| Вид текста | художественные – 64,49% нехудожественные – 33,51% | художественные – 78,40% нехудожественные – 21,60% | нехудожественные – 61,41% художественные – 38,65% | нехудожественные – 52,59% художественные – 47,41% |
| Пол автора | мужской – 91, 39% женский – 8, 61% | мужской – 83, 58% женский – 16, 42% | мужской – 80, 82% женский – 19, 18% | мужской – 86, 67% женский – 13, 33% |
| Сфера функционирования | художественная – 64,47% публицистика – 15,87% бытовая – 15,53% | художественная – 78,40% публицистика – 16,03% | публицистика – 44,93% художественная – 38,52% учебно-научная – 7,72% | художественная – 47,41% публицистика – 40,74% учебно-научная – 5,19% |
| Тематика текста | частная жизнь – 28,93% искусство и культура – 15,59% политика и общественная жизнь – 13,77% история – 6,61% администрация и управление – 4,57% армия и вооруженные конфликты – 4,24% религия – 3,47% наука и технология – 2,81% образование – 2,59% философия – 6,78% путешествия – 2,42% прочее – 14,99% | искусство и культура – 31,67% частная жизнь – 30,00% политика и общественная жизнь – 11,67% спорт – 6,67% досуг, зрелища и развлечения – 5% образование – 3,33% криминал – 3,33% техника – 1,67% право – 1,67% природа – 1,67% прочее – 3,33% | политика и общественная жизнь – 16,25% искусство и культура – 14,83% частная жизнь – 11,51% наука и технология – 10,32% история – 6,28% религия – 10, 28% философия – 3,12% бизнес, коммерция, экономика, финансы – 2,94% администрация и управление – 2,41% путешествие – 2,35% прочее – 26,79% | искусство и культура – 21,51% политика и общественная жизнь – 19,19% частная жизнь – 12,21% наука и технология – 6,40% религия – 6,40% философия – 5,81% история – 4,65% бизнес, коммерция, экономика, финансы – 3,49% администрация и управление – 3,49% досуг, зрелища и развлечения – 2,91% прочее – 13,95% |
| Стиль | нейтральный – 91,00% | нейтральный – 81,57% сниженный – 8,87% индивидуально-авторский – 7,51% | нейтральный – 95,40% | нейтральный – 96,30% |

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что смирение является одной из важнейших для понимания русского национального сознания нравственных категорий. Идею смирения в русском языке отражают такие языковые единицы, как частица *авось*, предикатив *ничего!* и союз-частица *пусть/пускай*. Все эти единицы выражают разную степень модальности в отношении к действительности и имеют значение оптимизма, упования и надежды на благополучный исход событий, доверие судьбе, Богу, что на внешнем уровне может выглядеть как пренебрежение опасностью, но на самом деле обнаруживает внутреннюю силу, решимость и непреклонность при добровольном смирении. Такое понимание смирения как нельзя лучше соответствует и этимологическому значению слова (это позволяет говорить о смирении как о знании своей меры), и современной внутренней форме, указывающей на то, что смиренный человек всегда пребывает в мире с Богом, самим собой и другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука веры.— Режим доступа: <https://azbyka.ru/smirenie>, свободный.
2. Бабайцева В. В. / В. В. Бабайцева, Г. Г. Инфантова, Н. А. Николина И. А.— Современный русский язык: В 3 ч.— Ростов на Дону: ФЕНИКС, 1997.— Ч. III.— 608 с.
3. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка / Л. А. Булаховский: В 2 т.— Киев: Учпедгиз, 1952–1953.— Т. I–II: Синтаксис.— 437 с.
4. Василенко И. А. Сложные предложения с соподчинением в современном русском языке / И. А. Василенко // Уч. зап. МГПИ им. В. А. Потемкина.— 1956.— Т. LI. Вып. 5.— С. 61–65.
5. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев: В 2 ч.— М: Просвещение.— 1968.— Ч. 2. Синтаксис.— 350 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка.— М.: Наука, 1970.— 767 с.
7. Гусман Тирадо Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке / Р. Гусман Тирадо.— Воронеж, 1998.— 135 с.

8. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Режим доступа: <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vdal&wi=193678>, свободный.
9. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — В 2 т. — Т. 1. А-О. — С.-Петербург. — Златоуст, 2014. — 592 с.
10. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — В 2 т. — Т. 2. П-Я. — С.-Петербург. — Златоуст, 2014. — 592 с.
11. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. <https://ruscorpora.ru/>, свободный.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: АЗЪ, 1993.
13. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка / А. Г. Руднев. — М.: Высшая школа, 1968. — 320 с.
14. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 624 с.
15. Сервер фоносемантического анализа слов. — Режим доступа: Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. psi-technology.net/servisfonosemantika.php, свободный.
16. Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 636 с.
17. Скосырева Н. И. Уступительные предложения в произведениях И. А. Крылова / Н. И. Скосырева // Уч. зап. Томского гос. пед. инс. — Томск, 1956. — Т.XV. — С. 275–296.
18. Формановская Н. И. Сложное предложение в современном русском языке. Теория и упражнения / Н. И. Формановская. — М.: Русский язык, 1989. — 193 с.
19. Щеулин В. В. Причинные, следственные и уступительные сложноподчиненные предложения в произведениях В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова / В. В. Щеулин: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1955. — 424 с.

*Воронежский государственный университет
Илина Т. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: ilina@phil.vsu.ru*

*Сидорова Е. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: sidorova@phil.vsu.ru*

*Швецова О. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru*

*Voronezh State University
Irina T. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the
Department of the Russian Language
E-mail: ilina@phil.vsu.ru*

*Sidorova E. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of the Russian Language
E-mail: sidorova@phil.vsu.ru*

*Shvetsova O. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of the Russian Language
E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru*